

заключается их основная ошибка. Как мы отмечали вначале, родосско-ионийская керамика производилась в нескольких центрах, и одним из них был Милет, но то, что в Милете существовали крупные мастерские по изготовлению этой керамики, сейчас признается всеми исследователями ⁶⁸. В первой половине VI в. в Милете, вероятно, было много мастерских, работавших в смешанной и чернофигурной технике, и они, видимо, являлись главными поставщиками этой керамики. Однако находки такой керамики в Смирне, которую Кук считает местным производством, или более обобщенно — производством североионийской школы ⁶⁹, позволяют думать, что и мастерские других ионийских городов освоили эту технику. Какие различия существовали между продукцией Милета и этих центров, можно будет установить только при помощи сопоставлений отдельных групп известной нами поздней родосско-ионийской керамики и подробного стилистического анализа их росписи. Богатый материал Березани, Навкратиса, Истрии, Смирны дает для этого большие возможности.

Л. В. Копейкина

STYLE TRENDS IN RHODIAN-IONIAN CERAMICS OF THE FIRST HALF OF THE SIXTH CENTURY B. C. AND THE LOCALISATION OF CERTAIN GROUPS

by L. V. Kopeikina

The author discusses the last phase of the Orientalising style in Rhodian-Ionian pottery and the question as to where certain groups of this pottery class were produced in the period under review.

In this period Rhodian-Ionian ware was produced in many workshops and developed along many different lines characterised by sharply expressed individual traits. But the lead was taken by workshops which mastered the new methods of vase-painting, the black-figure technique. In artistic respects these workshops are the most interesting, since their products reveal a qualitatively new stage in the evolution of Rhodian-Ionian vase-painting. The Corinthian and Attic black-figure schools strongly influenced the development of the new painting technique. But the Rhodian-Ionian masters did not slavishly copy the work of Corinthian and Attic vase-painters. By creatively combining new with traditional elements they developed their own very original style, a synthesis exemplified by the magnificent vases decorated in the traditional outline technique, though the influence of black-figure techniques upon this group is clearly marked. The final stage in the process of mastering the new technique may be seen in a group of vases decorated in the purely black-figure manner. This group seems to represent the last step in the transition from the Orientalising style of the Rhodian-Ionian masters to the black-figure style. Towards the middle of the sixth century the black-figure style is fully formed in Rhodian-Ionian as in all East Greek pottery.

The article ends with a discussion of the question as to where the wares of the mixed-style and black-figure groups were produced. Taking into account the places where pottery of these groups is mainly found, and also the economic ties of the East Greek area, the author concludes that the workshops producing it were probably in Ionian cities along the Asia Minor coast, the most likely centres being large cities like Miletus. Miletus may indeed have been the chief centre from which this pottery spread. However, pottery of similar style was made also in other Ionian cities.

⁶⁸ Boardman, ук. соч., стр. 74, 139; R. M. Cook, *Greek Painted Pottery*, стр. 124; Schiering, ук. соч., стр. 1.

⁶⁹ Cook, *Old Smyrna: Ionic Black-Figure...*, стр. 119.

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ АФИНСКОГО ПОХОДА В ЕГИПЕТ

Основным источником для определения хронологии египетской кампании афинян являются сведения Фукидида (I, 104 и I, 109—110) и Диодора (XI, 71, 74—75, 77). Диодор относит ее начало к 462/1 г. до н. э. (архонт Конон), а катастрофу на острове Просопитиде к 460/59 г. до н. э. (архонт Фрасиклид). Под 459/8 г. до н. э. (архонт Филокл) он уже описывает только события первой Пелопоннесской войны: сражения при Галеех, Эгине и Мегарах. Между тем, дошедший до нас список афинян филы Эрехтеиды, павших в течение одного года (τῷ αὐτῷ ἔνιαυτῷ), показывает, что в год сражений при Галеех, Эгине и Мегарах еще велись бои в Египте (IG, I², 929). Уже данные этой надписи позволяют предположить, что Диодор преуменьшил длительность похода афинян в Египет.

Действительно, Фукидид (I, 110, 1) сообщает, что египетская кампания афинян продолжалась шесть лет. Таким образом, ошибочность датировки окончания похода у Диодора становится несомненной. На основании этого многие ученые отвергают и приводимую им начальную дату похода. Однако у такого компилятора, как Диодор, неправильность в датировке одного события не всегда влечет за собой ошибки в хронологии смежных событий.

Хронологические ошибки у Диодора могут проистекать не только из-за ненадежности используемых им источников, но и вследствие метода пользования ими. «Источник» Диодора был неплохо осведомлен в вопросах персидской хронологии. Достаточно указать, что Диодор дает правильные даты воцарения Артаксеркса I (465/4 г. до н. э.) и Дария II (424/3 г. до н. э.). Причину его ошибки нужно искать в другом. Источником Диодора в этой части был, по-видимому, Эфор¹. Эфор располагал материалом в своем труде большими эпизодами, давая, очевидно, только дату начала событий. Одним из таких эпизодов, видимо, был египетский поход афинян, за которым у него следовало описание событий I Пелопоннесской войны, начавшейся в 459/8 г. до н. э.² При анналистическом методе изложения у Диодора это привело к ошибке в датировке поражения афинян в Египте. Если это объяснение ошибки Диодора признать удовлетворительным, то следует внимательнее отнестись к возможности датировки начала египетской кампании афинян 462/1 г. до н. э., как это делает Диодор. В пользу этой даты говорит целый ряд данных. Однако прежде чем перейти к их рассмотрению, нужно выяснить, насколько убедительна аргументация традиционной датировки египетской кампании 460—54 гг. до н. э.

Обычно сторонники такой хронологии опираются на данные Фукидида. По их мнению, изложение истории периода пентаконтаэтии у Фукидида дано в строго хронологическом порядке. Начало рассказа о походе афинян в Египет Фукидид (I, 104) помещает после упоминания о союзе Афин с Мегарами (I, 103, 4). Считая, что этот союз был заключен в начале 459 г. до н. э., Бузольт³ относил прибытие афинян в Египет к лету 459 г. до н. э., датируя их поражение весной 454 г. до н. э. Нетрудно заметить, что хронология Бузольта противоречит указанию Фукидида о шестилетнем сроке афинской экспедиции в Египет.

Непоследовательность Бузольта проявилась и в признании диодоровской даты начала восстания в Египте (463/2 г. до н. э.), хотя Фукидид упоминает о нем после упоминания о союзе Афин с Мегарами (459 г. до н. э. по Бузольту).

¹ E. Cavaignac, *Réflexion sur Ephore*, «Mélanges Gustave Glotze», I, P., 1932, стр. 144 сл.; A. W. Gomme, *A Historical Commentary on Thucydides*, I, Oxf., 1945, стр. 52.

² J. Scharf, *Die erste ägyptische Expedition der Athener*, «Historia», III, Wiesbaden, 1955, стр. 310.

³ G. Busolt, *Griechische Geschichte*, III, 1, Gotha, 1897, стр. 304, прим. 1. Бузольт правильно заметил, что взятие персами острова Просопитиды должно было произойти во время спада воды в Ниле, т. е. в апреле-мае.

Принцип строгой хронологии в первой книге Фукидида последовательно защищается издателями АТЛ, относящими начало похода в Египет к весне 460 г. до н. э.⁴ Однако их метод защиты этого принципа основан на произвольном обращении с данными других источников и приводит к целому ряду затруднений. Первое такое затруднение встречается в рассказе Фукидида о сдаче Ифомы. Осада Ифомы, по общему мнению, началась в 464/3 г. до н. э. Сообщение же об ее сдаче Фукидид (I, 103, 1) помещает после рассказа о союзе Афин с Аргосом и Фессалией (462/1), отмечая, что она последовала на десятом году (455/4); далее следует сообщение о союзе с Мегарами (I, 103, 4), который относится в АТЛ к зиме 461/60 г. до н. э. Комментируя это расхождение с их принципом последовательной хронологии у Фукидида, издатели АТЛ считают, что в данном случае следует принять исправление Крюгера⁵, предложившего читать «на четвертом году». Вопрос о дате падения Ифомы сложен, и мы не будем специально останавливаться на нем, а ограничимся констатацией самого факта противоречия⁶.

Упомянув о союзе Афин с Мегарами, послужившем причиной вражды с Коринфом, Фукидид (I, 104, 1) переходит к рассказу об отпадении Египта от персов. Издатели АТЛ относят это событие к зиме 461/60 г. до н. э., хотя даже Бузольт, как мы видели, признавал правильность даты Диодора (463/2 г. до н. э.). Действительно, сообщение Диодора о том, что египтяне использовали как предлог для восстания убийство Ксеркса и смуты внутри Персии в 464 г. до н. э., звучит весьма убедительно. Ктесий (Pers. 31) также помещает рассказ о восстании в Египте вслед за описанием убийства Артабана и восстания в Бактрии (464 г. до н. э.). Поэтому многие ученые, датировавшие начало египетского похода афинян 460 годом до н. э., признавали правильность Диодоровой даты отпадения Египта⁷.

Очередное затруднение встречается во второй части рассказа Фукидида о египетских событиях, которая начинается после сообщения об экспедиции Толмида. Экспедицию Толмида Диодор (XI, 84) относит к 456/5 г. до н. э. — эту дату дает также схолий к Эсхину (II, 78), и она признана большинством ученых. За описанием событий в Египте у Фукидида следует рассказ о походе афинян в Фессалию (454 г. до н. э.). Таким образом, все события в Египте, описанные Фукидидом (I, 109—110), должны были бы произойти примерно в течение полутора лет. Какие же события описывает здесь Фукидид? Из этой части фукидидовского рассказа мы узнаем о полной победе афинян в Египте, после чего царь посылает Мегабаза в Лакедемону, чтобы побудить спартанцев к вторжению в Атику. В Лакедемоне он пробыл довольно длительное время и, не добившись успеха, вернулся в Азию.

После неудачи Мегабаза царь направляет в Египет по суше с большим войском Мегабиза, сына Зопира. Прибыв в Египет, Мегабиз разбивает египтян и их союзников, изгоняет афинян из Мемфиса, а затем окружает их на острове Просопитиде. Осада афинян на Просопитиде продолжалась один год и шесть месяцев. Итак, события, освещенные Фукидидом, явно нельзя уложить в полуторагодичный срок. Пытаясь выйти из этого затруднения, издатели АТЛ (стр. 171) перемещают экспедицию Толмида на осень 457 г. до н. э. Единственным аргументом в пользу этого является защищаемый ими принцип хронологического описания событий у Фукидида. Относя экспедицию Толмида к 457 г. до н. э., издатели АТЛ вынуждены были датировать на год раньше битву при Танагре и отделенную от нее промежутком в 62 дня битву при Энофитах⁸. Датировка битвы при Танагре 457 г. до н. э. подтверждается как Диодором (XI, 81), так и другими источниками. Так, Плутарх сообщает, что Кимон был возвращен из изгнания вскоре

⁴ B. D. Meritt, H. T. Wade-Gery, M. F. McGregor, *The Athenian Tribute Lists*, III, Princeton, 150 (далее — АТЛ), стр. 161 слл.

⁵ K. W. Krüger, *Historisch-Philologische Studien*, I, B., 1836, стр. 158.

⁶ См. D. W. Reese, *The Date of the Fall of Ithome*, JHS, 82, 1962, стр. 111 слл. Автор этой работы защищает датировку падения Ифомы 455/4 г. до н. э. Там же дана новейшая литература вопроса.

⁷ F. K. Kienitz, *Die politische Geschichte Ägyptens vom 7 bis zum 4 Jahrhundert*, B., 1956, стр. 69; P. Salmon, *La politique égyptienne d'Athènes*, Brussel, 1965, стр. 106 и т. д.

⁸ Thuc., I, 108, 2.

после битвы при Танagre⁹. По мнению Феопомпа, Кимон находился в изгнании менее пяти лет¹⁰, ostracism Кимона относится к началу 461 г. до н. э. Следовательно, его возвращение должно было произойти еще до конца 457 г. до н. э., а битва при Танagre — летом 457 г. до н. э.¹¹

Таким образом, попытка проведения принципа строгой хронологии у Фукидида наталкивается в случае с рассказом о египетских событиях на большие трудности. По-видимому, египетский рассказ у Фукидида является своего рода вставкой в описание событий в самой Греции.

В этом плане интересно проследить композицию глав, в которых дано описание событий I Пелопоннесской войны и египетской кампании афинян. Фукидид (I, 103, 4), сообщив о заключении союза Афин с Мегарам, отмечает, что это событие послужило началом вражды Афин и Коринфа, далее дает краткую заметку о начале войны в Египте (I, 104) и снова возвращается к описанию отношений Афин с Коринфом. Лишь закончив описание важнейших событий I Пелопоннесской войны, Фукидид начинает основной рассказ о египетской кампании. Упоминание о начале войны в I, 104 Фукидиду было, очевидно, необходимо, чтобы подчеркнуть в I, 105, 3, что коринфское вторжение в область Мегар было облегчено отсутствием большой афинской армии, находившейся в Египте.

Заканчивая разбор данных Фукидида, необходимо остановиться на доводах Сальмона¹², посвятившего политике Афин в Египте специальное исследование. Сальмон, как мы отмечали, относит отпадение Египта к 463/2 г. до н. э., поэтому при обосновании датировки египетской кампании 460—54 гг. до н. э. он исходит из разбора данных Фукидида о дате поражения афинян. Поражение афинян Фукидид (I, 100) помещает перед описанием похода в Фессалию (I, 111—454 г. до н. э.). Считая, по-видимому, на основании употребления частицы *δέ*, что эти события тесно связаны, Сальмон относит конец похода в Египет к весне 454 г. до н. э. Действительно, как еще отметил Гомм¹³, частицы *δέ* и *καί* в повествовании обычно связывают близкие по времени события. Объясняется это тем, что, описывая в пределах предложения (или группы предложений) близкие по времени события, автор употребляет для связи фраз частицы *δέ* и *καί*. Однако, являясь грамматическим средством связного повествования, эти частицы сами по себе не говорят о хронологической близости описываемых событий. В случае определения хронологического отношения событий Фукидид обязательно включает в предложение вместе с данными частицами обстоятельства времени: *δέ... μετὰ ταῦτα* (I, 105, 2), *δέ κατὰ τοὺς χρόνους τούτους* (I, 107, 1), *ὕστερον δέ διαλείποντων ἔτων τριῶν* (I, 112, 1), *ἔχτω δέ ἐτει* (I, 115, 2) и т. д.; *καί ὕστερον* (I, 105, 1), *καί χρόνου ἐγγενομένου μετὰ ταῦτα* (I, 113, 1) и т. д.

Из этих примеров видно, что данные частицы не являются показателем времени, прошедшего между событиями. Поэтому нельзя делать вывод о том, что все события, описание которых грамматически связано частицами *δέ* и *καί*, близки по времени. Особенно опасен этот вывод в отношении событий, связываемых в рассказе частицей *δέ*, употребляемой для связи целых предложений гораздо чаще, чем частица *καί*¹⁴. В качестве примера укажем, что у Фукидида (I, 104, 1) рассказ о восстании Инара, которое Сальмон датирует 463/2 годом до н. э., связан частицей *δέ* с предшествующим описанием союза Афин и Мегар (459 г. до н. э.).

Таким образом, мы видим, что данные Фукидида не дают оснований для датировки афинского похода в Египет 460—454 годами до н. э. Более того, если встать на путь

⁹ P l u t., Cim. 18, 1.

¹⁰ FGH, fr. 88, № 115.

¹¹ Ссылка издателей ATL на данные VII Истмийской оды Пиндара совершенно неубедительна. См. R e e s e, ук. соч., стр. 113 слл.

¹² S a l m o n, ук. соч., стр. 107 слл.

¹³ G o m m e, ук. соч., стр. 361; издатели ATL (стр. 174) на основании употребления частицы *δέ* связывают хронологически сражение при Галейях с началом афинского похода в Египет.

¹⁴ J. D. S e n n i s t o n, The Greek Particles, Oxf., 1934, стр. 162.

аргументации издателей ATL и Сальмона, то на основании рассказа Фукидида можно прийти к датировке похода скорее 462—456 годами до н. э. Обычно ученые, датируя отпадение Египта 463/2 годом до н. э., относят обращение Инара за помощью к Афинам к 460 г. или даже к 459 г. до н. э. Между тем у Фукидида (I, 104, 1) эти события изложены в одном предложении, и их описание связано частицей *καί*, что должно предполагать гораздо более близкую их хронологическую связь.

Далее, Сальмон (стр. 108), отказавшись от натяжек издателей ATL, возвратился к обычной датировке экспедиции Толмида серединой 456 г. до н. э. Понимая, что в промежуток времени между серединой 456 г. до н. э. и весной 454 г. до н. э. невозможно поместить все события, описанные во второй части египетского рассказа Фукидида (I, 109—110), он выдвинул предположение, что основанием для помещения Фукидидом второй части египетского рассказа после похода Толмида явилось какое-то последовавшее за ним важное событие в египетской кампании. Таким событием Сальмон считал поражение египтян и их союзников при Мемфисе. С большим правом можно предполагать, что основанием для такого размещения Фукидидом египетского рассказа было то, что афиняне примерно в это время потерпели полное поражение в Египте¹⁵.

Ученые, не признававшие строгой хронологичности изложения событий у Фукидида, при датировке египетской кампании 460—454 годами до н. э. исходят обычно из факта переноса в 454 г. до н. э. казны делосского союза в Афины. Привлекая сообщения Плутарха (Pericl. 12, 1), эти ученые объясняют перенос казны страхом перед персами после поражения союзников в Египте и относят это поражение к весне того же года¹⁶. Однако Плутарх отмечает, что ссылка на «страх перед варварами» была в действительности лишь «наиболее благовидным предлогом» (*εὐπρεπείᾳ τῶν προφάσεων*) для переноса казны. По нашему мнению, в качестве предлога для переноса казны «страх перед варварами» мог использоваться афинянами в любое время¹⁷. В этом плане интересно замечание Плутарха о том, что Перикл подвергался за перенос казны ожесточенным нападкам со стороны олигархов, которые считали, что такое оправдание не спасает афинский демос от позора. Если бы перенос казны произошел сразу же после поражения в Египте, несомненно, данный аргумент демократов звучал бы более убедительно. По-видимому, поражение в Египте произошло значительно раньше 454 г. до н. э., и в этом году никакой реальной опасности для Делоса не существовало.

Упомянутый выше список афинян (IG, I², 929) из филом-Эрехтенды, павших в первый год I Пелопоннесской войны (459/8 г. до н. э.), называет также местами сражений Кипр, Финикию и Египет. Упоминание наряду с Египтом Кипра послужило для некоторых ученых основанием для отнесения этой надписи к первому году войны в Египте. Однако сражения на Кипре могли происходить и в последующие годы египетской кампании. Так, Диодор сообщает, что во время подготовки к вторжению в Египет Мегабиз собирал флот в Финикии и на Кипре. Если относить египетскую кампанию к 462—456 гг. до н. э., то эти приготовления должны были происходить примерно в 459/8 г. до н. э. (год сражений при Галеях и Эгине)¹⁸. Афиняне несомненно должны были воспрепятствовать этим приготовлениям и нанести удар по Кипру и Финикии.

¹⁵ Если катастрофа на о-ве Просопитиде произошла в мае 456 г. до н. э., а гибель 50 кораблей, посланных на помощь, произошла еще позднее, то конец египетской кампании примерно совпадает по времени с походом Толмида.

¹⁶ Ed. Meyer, *Geschichte des Alterthums*, III, I, Stuttg., 1912, стр. 59; H. Nesselhauf, *Untersuchungen zur Geschichte der delisch-attischen Symmachie*, «Klio», Beiheft 30, N. F., 17, Lpz, 1933, стр. 6; P. Cloché, *La politique extérieure d'Athènes de 462 à 454*, «L'Antiquité classique», XI, Brussel, 1942, стр. 28.

¹⁷ Сальмон (ук. соч., стр. 107 сл., прим. 7) указывает, что если «страх перед варварами» был только предлогом, то все-таки должен был существовать какой-то другой фактор, который хотя бы частично оправдывал перенос казны. Таким фактором, по его мнению, могло быть только поражение афинян в Египте. Однако это далеко не так. Отметим, что в это время в Ионии происходит серьезное восстание афинских союзников, которое, очевидно, и вызвало перенос казны в Афины, — см. J. P. Barron, *Milesian Politics and Athenian Propaganda*, JHS, 82, 1962, стр. 5 сл.

¹⁸ J. Barron, *Simon and the First Athenian Expedition to Cyprus*, «Historia», II, Wiesbaden, 1953, стр. 174; Schaff, ук. соч., стр. 316.

Таким образом, рассмотренные данные не дают оснований датировать египетскую кампанию афинян 460—454 годами до н. э. Наоборот, они говорят скорее в пользу датировки ее 462—456 годами до н. э.

В пользу такой хронологии можно привести также ряд сведений, содержащихся у Плутарха¹⁹. Из Фукидида (I, 104, 2) нам известно, что в момент обращения Инара к Афинам за помощью афинский флот находился у Кипра. Плутарх²⁰, ссылаясь на Феопомпа, рассказывает, что Фемистокл долгое время жил в Магнесии «покойно, потому что царь, занятый делами в Верхней Азии, не обращал особенного внимания на эллинские дела. Но восстание в Египте при поддержке афинян, продвижение эллинских военных кораблей до Кипра и Киликии и господство Кимона на море, — все это привлекло внимание царя и заставило его в свою очередь препятствовать их усилению». Именно тогда царь обратился за помощью к Фемистоклу. Но тот, не желая воевать с соотечественниками и считая, что ему не выиграть сражения у Кимона, покончил с собой. Из этого сообщения Плутарха видно, что афинским флотом в районе Кипра во время восстания в Египте командовал Кимон. Возникает вопрос, когда же это могло быть. Упоминаемый у Плутарха царь — это Артаксеркс I, вступивший на престол в 465/4 г. до н. э. Кимон в 465—63 гг. до н. э. был занят осадой Фасоса, летом 462 г. до н. э. он отправился в поход на Ифому, а вскоре после возвращения из похода был изгнан из Афин. Остается свободным время с лета 463 г. по лето 462 г. до н. э.

Рассказывая о походе Кимона в 451 г. до н. э. на Кипр, Плутарх (Сим. 18, 1) сообщает, что Кимон, возвратившись из изгнания, снарядил флот из 200 судов и снова (ἀναίς) отправился в поход против Египта и Кипра. Употребление наречия ἀναίς в данном выражении также заставляет предположить, что до своего изгнания Кимон воевал на Кипре²¹. Таким образом, сведения Плутарха говорят о том, что афинским флотом в сражениях у Кипра накануне отплытия в Египет командовал Кимон, что могло быть только в 463/2 г. до н. э. Это укрепляет нас в мнении о правильности диодоровской хронологии начала афинского похода в Египет, и мы датируем его 462—454 годами до н. э.

В заключение отметим, что поход на Кипр и в Египет лучше согласуется с политикой Кимона, чем с политикой Перикла. Недаром сразу же после своего возвращения из изгнания Кимон повторяет попытку укрепиться в этом районе²².

А. Е. Паршиков

¹⁹ См. В а г н с, ук. соч., стр. 165 слл., где впервые было обращено серьезное внимание на эти сведения Плутарха; S c h a r f, ук. соч., стр. 314 слл.

²⁰ P l u t., Them. 31, 3 слл.

²¹ Замечание Сальмона (ук. соч., стр. 112, прим. 2) по поводу значения этого наречия грамматически необосновано.

²² Отметим также, что Сальмон (стр. 160 сл.), датируя посольство Мегабаза в Лакедемон между 460 и 457 гг. до н. э., считал, что с этим посольством нельзя связывать пребывание в Лакедемоне Артемия из Зелей, так как декрет об атимии Артемия предложил Кимон, ушедший в изгнание в 461 г. до н. э. Датируя начало похода в Египет 462 годом до н. э., мы считаем, что Артемий являлся членом посольства, во главе которого стоял Мегабаз, и относим декрет о его атимии к осени 462 г. до н. э.

ON THE CHRONOLOGY OF THE ATHENIAN CAMPAIGN IN EGYPT

by A. Ye. Parshikov

In recording the events of the Pentecontaetia Thucydides did not observe strict chronological order. The dating of the Athenian campaign in Egypt in 460-454 B. C. cannot be accepted as correct. Analysis of the testimony of Diodorus, Plutarch, Thucydides himself and other sources shows the true date to be 462-456 B. C.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ С ПЛЕМЕНАМИ ПРИДНЕПРОВЬЯ И ПОБУЖЬЯ В IV—II вв. до н. э.

Одной из важнейших особенностей исторического развития периферийных областей античного мира являются тесные экономические связи греческих городов с окружавшими их племенами. Проникновение эгейских и малоазийских изделий на изучаемую территорию имело место еще в древнейшую эпоху. В VII—VI вв. до н. э. Днепровско-Бугское побережье становится районом

Рис. 1. Фрагмент родосско-ионийского кувшина с изображением грифа

наиболее ранней и активной греческой колонизации в Северном Причерноморье (Березаны, Ольвийский эмпорий). С этого времени между греками-переселенцами и приднепровско-побужским населением устанавливается постоянный торговый обмен, о чем свидетельствуют довольно многочисленные находки ионийско-родосской керамики, коллекция которой пополнилась в последнее время прекрасными образцами подобной посуды (рис. 1). В период возникновения и становления эллинистических городов (VI—V вв. до н. э.) экономические связи между греками и населением, обитавшим в бассейне Днепра и Южного Буга — основной территории расселения скифских племен, получили дальнейшее развитие. В силу разного уровня социально-экономического и культурного развития этих племен их участие в торговом обмене с греками было неодинаковым. Малозаселенность и экономическая отсталость районов степного Приднепровья и Побужья отрицательно сказались на торговых

возможностях их обитателей. Ведущая роль в этом принадлежала племенам Днепровско-Бугского лимана, но особенно племенам Среднего Приднепровья. В обмен на сельскохозяйственные продукты и продукты животноводства они приобретали у греков вино (Хиос, Аттика, Фасос и др. центры), глиняную посуду (Иония, Аттика, Ольвия), металлические изделия средиземноморских и северопафосских мастерских, бусы. Особенно активное экономическое общение с греческими рабовладельцами поддерживали оседлые земледельческие племена скифов-пахарей Геродота (IV, 17). По-видимому, они больше других производили продуктов на продажу (ἐπὶ πρῆσις), что находит полное отражение в сравнительном обилии и богатстве греческих изделий, обнаружен-

ных на предполагаемой территории расселения этих племен, между Бугом и Днепром. Основными античными центрами, эксплуатировавшими природные богатства и рабский труд населения Приднепровья и Побужья, были Ольвия, а также Боспор ¹.

Взаимная потребность сбыть товары друг другу со временем усиливалась, а постоянное повторение обмена сделало его регулярным, общественным процессом ², явившимся одним из необходимых условий экономического развития как греческого, так и варварского общества. IV—II вв. до н. э. были качественно новым этапом в торговых взаимоотношениях греков с населением Приднепровья и Побужья. Он осуществлялся в процессе дальнейшего социально-экономического и культурного роста народов Северного Причерноморья, ознаменовавшегося подъемом городских хозяйств и возникновением государственности у скифов. В этот период появляется большое количество поселений, расположенных непосредственно в окружении городов или на старых торговых путях, издавна связывавших греков с местным населением. Побережье Днепровско-Бугского лимана в это время покрывается густой сетью небольших сельскохозяйственных поселений, тяготеющих к Ольвии. В низовьях Днепра существовало, по-видимому, довольно значительное в торговом отношении поселение, расположенное на побережье Белозерского лимана близ Херсона. В это же время покрывается густой сетью поселений территория, расположенная по берегам нижнего течения Днепра. Наиболее значительными среди них были Каменское, Знаменское, Гавриловское и другие. В лесостепном Приднепровье продолжают существовать старые крупные поселения, такие, как Пастерское, Большое Скифское близ Канева, Грищенское и другие на Правобережье, Басовское и Бельское — на Левобережье. Наряду с ними возникает ряд новых поселений.

Сообщения древних авторов об экономических связях Восточной Европы в античное время весьма фрагментарны. Поэтому основной источник для изучения этого вопроса — археологические данные, представленные разнообразными предметами торговли. Главные из них, как и для более раннего периода, следующие: амфоры — тара, в которой ввозилось главным образом вино; глиняная посуда; различные предметы быта из металла; бусы и прочие ремесленные изделия ³. Они свидетельствуют о значительно возросших масштабах торговли в IV—II вв. до н. э. и продвижении греческих товаров далеко на север, в Верхнее Приднепровье, чего не наблюдалось раньше (рис. 2). Основные районы концентрации греческих товаров в лесостепном Приднепровье — Каневский и особенно Тясминский с примыкавшей к нему территорией верхнего течения р. Синюхи. В Нижнем Приднепровье, поглощавшем большую часть греческого экспорта, выделяется район Никополя, а также прилегающая к нему территория обоих берегов Днепра и несколько восточнее от нее. В Побужье греческие изделия встречаются значительно реже, за исключением побережья Днепровско-Бугского лимана, т. е. непосредственного окружения Ольвии.

Первые две категории античного импорта в Приднепровье и Побужье, представленные широко распространенными в городах типами керамической тары и глиняной посуды, в основном отражают общую для всего Северного Причерноморья картину потребления средиземноморских товаров в это время. Главными центрами производства вина были: Хиос, Фасос, Синопа, Боспор, Херсонес, особенно Гераклея и Кос. К ним также относятся центры, выпускавшие вино в амфорах «типа Солоха I» (острова Эгейского моря) и «типа Солоха II» (Византий?). Встречаются амфоры Родоса, Пароса и Книда. Периодом наиболее оживленной торговли продуктами в фасосских амфорах были IV—III века, в гераклейских — середина IV — первая половина III в., в синопских — вторая половина IV и весь III век, в херсонесских — вторая половина III в.

¹ Подробную характеристику экономических связей античных городов с племенами Приднепровья и Побужья в период основания эмпориев и городов см. Н. А. О н а й к о, Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII — V вв. до н. э., М., 1966, САИ, Д1—27.

² К. М а р к с, Капитал, т. 1. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 23, стр. 98.

³ Огромная коллекция этих вещей, хранящихся главным образом в музеях Киева, Харькова, Ленинграда и Москвы, подробно описана в нашей работе «Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV — II вв. до н. э.»